

ГЛАВА 4

СТУПЕНЬКИ

Входя в класс в понедельник утром, Нат внутренне содрогался, так как предполагал, что ему придется продемонстрировать перед всеми свое невежество. Но мистер Баэр отвел ему спокойное место в нише у окна, где он мог сидеть спиной к остальным и где ему давал задания Франц, так что никто другой не мог слышать его грубых ошибок или видеть, какие кляксы ставит он в своей тетради. Нат был искренне благодарен за это и трудился так прилежно, что мистер Баэр сказал с улыбкой, глядя на его покрасневшее лицо и испачканные чернилами пальцы:

— Не трудись слишком напряженно, мой мальчик, а то переутомишься. Времени достаточно.

— Но я должен стараться, а иначе не смогу догнать других. Они уже столько всего выучили, а я совсем ничего не знаю, — возразил Нат, который пришел в отчаяние, когда услышал, как другие мальчики отвечают грамматику, историю и географию с поразительной, на его взгляд, легкостью.

— Зато ты знаешь немало такого, чего не знают они, — улыбнулся мистер Баэр, присаживаясь рядом с ним, в то время как Франц повел класс маленьких учеников через сложности таблицы умножения.

— Неужели? — в голосе Ната звучало недоверие.

— Конечно. Прежде всего, ты умеешь владеть собой, а вот Джек, который быстро считает в уме, владеть собой не умеет. Владеть собой — отличное умение. Кроме того, ты умеешь играть на скрипке, чего ни один из мальчиков не умеет, хотя им очень хотелось бы научиться. Но лучше всего, Нат, то, что ты действительно горишь желанием чему-то научиться, и это означает, что сражение уже

наполовину выиграно. Поначалу учеба покажется тебе трудным занятием, порой ты будешь чувствовать себя обескураженным, но продолжай стараться — и учеба будет становиться легче и легче по мере того, как ты будешь овладевать новыми знаниями.

Лицо Ната все более прояснялось, пока он слушал. Как бы мал ни был список его умений, его несказанно обрадовало сознание того, что и ему есть чем гордиться. «Да, я умею сдерживаться — научило меня этому вечное отцово битье. И я умею играть на скрипке, хотя и не знаю, где находится Бискайский залив», — подумал он с невыразимым чувством облегчения. Вслух он добавил — да так горячо, что его услышал Деми:

— Я очень хочу учиться и буду стараться. Я никогда не ходил в школу, но это не моя вина. Если ребята не будут смеяться надо мной, я думаю, что я сумею справиться с учебой, тем более что вы и миссис Баэр так добры ко мне.

— Ребята не будут смеяться над тобой, а если будут, я скажу им, чтобы не смеялись! — воскликнул Деми, совсем забыв, где находится.

Класс остановился посреди «семью девять», и все обернулись посмотреть, что происходит.

Полагая, что урок взаимопомощи в данный момент будет полезнее урока арифметики, мистер Баэр рассказал им о Нате, сделав историю маленькой жизни такой интересной и трогательной, что добросердечные мальчишки тут же пообещали оказать новичку помощь и почувствовали себя очень польщенными тем, что их призвали поделиться своими запасами мудрости с пареньком, который «так здорово играет». Это обращение к их лучшим чувствам помогло установить дружескую атмосферу, и в результате Нату потребовалось преодолеть не так уж много препятствий на пути к знаниям, так как каждый был рад «пособить».

Пока он еще не окреп, напряженная учеба была ему не по силам, и миссис Джо старалась занять и развлечь его чем-нибудь другим в доме и саду, пока другие сидели над книжками. Его огородик был для него лучшим из лекарств, и он работал на своей маленькой ферме без усталости, сажая бобы, заинтересованно наблюдая, как они растут, радуясь каждому зеленому листку и стройному стебельку, который появлялся и быстро тянулся к солнцу в теплую весеннюю погоду. Никогда еще не было огородика, за которым ухаживали бы более усердно; мистер Баэр, право же, боялся, что растения не найдут времени, чтобы вырасти, поскольку Нат постоянно их окучивал, так что пришлось давать ему легкие задания в цветнике или на земляничной плантации, где он работал, напевая так же бодро, как и жужжавшие вокруг него пчелы.

— А вот этот урожай нравится мне больше всего, — говорила миссис Баэр, ущипнув его за прежде запавшую, а теперь становящуюся пухлой и румяной щеку или поглаживая сутулые плечи, медленно распрямлявшиеся благодаря здоровой работе, хорошей пище и исчезновению прежней тяжелой ноши бедности.

Деми был его маленьким другом, Томми — покровителем, а Дейзи — утешительницей во всех его горестях, так как, хотя эти простодушные дети были младше него, он, робкий по натуре, находил удовольствие в их обществе и избегал шумных игр старших мальчиков. Мистер Лоренс не забывал его и посылал одежду и книги, ноты и добрые письма, а иногда приезжал, чтобы посмотреть, как поживает его мальчик, или взять его в город на концерт — в таких случаях Нат чувствовал себя на седьмом небе от счастья, так как поездка в город означала посещение великолепного дома мистера Лоренса, отличный обед, встречу с его красивой женой и маленькой дочерью, похожей на сказочную фею. После каждой такой поездки Нат был

в полном восторге и говорил, и мечтал о новом приглашении днями и ночами.

Так мало нужно, чтобы сделать ребенка счастливым, и приходится только удивляться, что в мире, в котором полно солнечного света и самых разных приятностей и удовольствий, встречаются печальные детские лица, пустые маленькие руки или одинокие маленькие сердца. Чувствуя это, Баэры собирали все крошки, какие только могли найти, чтобы накормить свой выводок голодных воробьев, так как сами они были богаты лишь отзывчивостью. Многие из друзей миссис Джо, которые сами были родителями, посылали ей игрушки, которые так быстро надоедали их детям, и их починка стала для Ната любимым занятием. Его изящные пальцы оказались очень аккуратными и ловкими, и он проводил немало дождливых дней в классной со своей бутылочкой клея, коробкой красок и перочинным ножиком, занимаясь починкой игрушечной мебели, плюшевых зверей и настольных игр, в то время как Дейзи усердно обшивала растерзанных, не одетых кукол. Починенные игрушки заботливо убирали в один из ящиков комода, из которого предстояло обеспечить подарки на Рождество всем бедным детям из окрестных поселков — именно так пламфильдские мальчишки всегда праздновали день рождения Того, кто любил бедняков и благословлял детей.

Деми никогда не уставал читать и объяснять прочитанное, и двое друзей провели немало приятных часов на старой иве, наслаждаясь «Робинзоном Крузо»*, сказками «Тысяча и одной ночи» и другими бессмертными произведениями, которые будут восхищать детей еще немало веков. Это открыло Нату новый мир, и горячее желание знать, куда книга поведет героев в очередной главе,

* «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» — роман английского писателя Даниэля Дефо (1659–1731).

помогало ему преодолевать трудности, так что вскоре он смог читать так же хорошо, как остальные, и испытывал такую радость и гордость от этого, что ему грозило стать почти таким же книжным червем, как и сам Деми.

Другая удача пришла к Нату самым неожиданным и приятным образом. Некоторые из мальчиков, по их выражению, были «деловыми людьми» и «занимались бизнесом». Зная, что большинство из них бедны и что им придется самим со временем пробивать себе дорогу в жизни, Баэры поощряли в своих питомцах стремление стать независимыми. Томми продавал яйца своих кур, Джек торговал червяками, Франц помогал в учительской работе и получал за это деньги, Нед имел склонность к плотницким работам, и для него был поставлен токарный станок, на котором он вытачивал всевозможные полезные или красивые вещи и продавал их, в то время как Деми конструировал водяные мельнички, волчки, а также разные неведомые хитроумные и бесполезные приспособления, которые дарил или продавал другим мальчикам.

— Пусть будет механиком, если хочет, — говорил мистер Баэр. — Научите мальчика ремеслу, и он станет независим. Благотворна любая работа; и какой бы талант ни открылся у этих мальчиков, будь то талант поэта или талант земледельца, его нужно культивировать и обращать им на пользу, если это возможно.

Так что, когда Нат прибежал к нему однажды и спросил с взволнованным видом:

— Можно мне пойти и поиграть на скрипке для людей, которые собираются устроить пикник в нашем лесу? Они обещают заплатить мне, а я хотел бы получить немного денег, как другие мальчики, и игра на скрипке — единственный способ заработать, какой я знаю, — то мистер Баэр с готовностью ответил:

— Иди, мой мальчик. Это легкий и приятный способ заработать, и я рад, что его предложили тебе.

Нат пошел и вернулся домой с двумя долларами в кармане, которые продемонстрировал с огромным удовлетворением, рассказывая, какое удовольствие доставил ему этот день, как добры были молодые люди, как они хвалили его игру, танцевали под его музыку и обещали еще не раз позвать его.

— Это гораздо приятнее, чем играть на улице. Тогда все деньги доставались не мне, а теперь все они мои, и к тому же я очень приятно провел время. У меня теперь тоже «бизнес», как у Томми и Джека, и мне это очень нравится, — сказал Нат, гордо поглаживая старый бумажник и уже чувствуя себя миллионером.

И он действительно стал «деловым человеком», так как с приходом лета пикники стали следовать один за другим, и мастерство Ната пользовалось громадным спросом. Ему всегда позволялось пойти, если это не мешало учебе и если участники пикника были порядочными молодыми людьми, так как мистер Баэр объяснил ему, что хорошее образование необходимо каждому и что никакие деньги не должны манить его туда, где он может столкнуться с искушением поступить дурно. Нат вполне согласился с этим, и было приятно видеть, как простодушный, улыбающийся мальчик садится в какой-нибудь нарядный экипаж, который остановился у ворот только для того, чтобы забрать его, и приятно было встречать его после пикника, усталого, но счастливого, с честно заработанными деньгами в одном кармане и «гостинчиком» для Дейзи или маленького Тедди, которого он никогда не забывал.

— Я буду копить, пока не смогу купить для себя скрипку, а уж тогда я смогу сам зарабатывать себе на жизнь, правда? — говорил он не раз, принося свои доллары на хранение мистеру Баэру.

— Надеюсь, что так, Нат, но мы должны сначала сделать тебя сильным и крепким и вложить немного знаний по истории, географии и арифметике в твою музыкальную голову. А потом мистер Лори найдет тебе где-нибудь хорошее место, и через несколько лет мы все будем ходить и слушать, как ты играешь на публике.

Благотворный труд, поощрение окружающих и надежда делали жизнь Ната легче и счастливее с каждым днем, и он добился таких успехов в музыке, что его учитель прощал ему посредственные оценки по другим предметам, зная очень хорошо, что успех там, где сердце и ум работают лучше всего. Самым тяжелым наказанием для мальчика за пренебрежение более важными уроками было требование не прикасаться к скрипке и смычку целый день. Страх совсем потерять своего сердечного друга заставлял его браться за книги со рвением, а доказав, что ему под силу справиться с любыми уроками, как мог он сказать: «Не могу»?

Дейзи очень любила музыку и испытывала огромное почтение ко всякому, кто умел играть, и часто ее находили сидящей на ступеньках под дверью Ната, пока он практиковался. Это было очень приятно для него, и он старался играть как можно лучше ради своей скромной маленькой слушательницы, которая никогда не соглашалась войти в комнату, где он играл, но предпочитала сидеть и сшивать яркие лоскутки или ухаживать за одной из своих многочисленных кукол с выражением мечтательного удовольствия на лице — выражением, заставлявшим тетю Джо говорить со слезами на глазах: «Она совсем как моя Бесс» — и проходить тихонько мимо, чтобы даже ее привычное присутствие не помешало девочке наслаждаться музыкой.

Нат очень полюбил миссис Баэр, но находил нечто даже еще более привлекательное в добром профессоре, по-отечески заботившемся о нем, робком, слабом мальчишке, который едва остался в живых после того, как его маленькую

лодочку носило по бурным волнам житейского моря целых двенадцать лет. Какой-то добрый ангел, должно быть, следил за ним, так как, хотя его тело страдало, его душа, казалось, совсем не огрубела и вышла на берег такой же невинной и кроткой, как дитя, спасенное после кораблекрушения. «Возможно, именно любовь к музыке помогла ему сохранить мягкость характера и чувствительность, несмотря на отсутствие гармонии в той обстановке, что окружала его долгие годы» — так говорил мистер Лори, а уж он-то разбирался в такого рода делах. Как бы то ни было, папа Баэр находил удовольствие в том, чтобы способствовать развитию добродетелей Ната и исцелять его недостатки, находя своего нового ученика послушным и любящим, как девочка. Он часто называл Ната своей «доченькой», когда говорил о нем с миссис Джо, и она обычно смеялась над этой его причудой, так как ей самой больше нравились мужественные мальчики, а Ната она считала милым, но слабым, хотя вы никогда не догадались бы об этом, так как она, как и Дейзи, баловала и ласкала его, и он считал ее совершенно восхитительной женщиной.

Впрочем, один недостаток Ната доставлял Баэрам немалую тревогу, хотя они понимали, что недостаток этот был усилен страхом и невежеством. С сожалением приходится отметить, что Нат порой лгал. Не то чтобы это была совсем уж откровенная ложь, редко она оказывалась явной, а чаще была почти невинной, но это не имело значения: ложь есть ложь, и, хотя мы все говорим немало вежливой неправды в этом нашем странном мире, это неправильно, и каждый знает это.

— Осторожность никогда не помешает; следи за своим языком, за глазами и за руками, так как очень легко сказать или выразить взглядом и действием неправду, — заметил мистер Баэр в одной из бесед с Натом о его главном пороке.

— Я понимаю это, и я не хочу лгать, но гораздо легче жить, если ты не очень тревожишься о том, чтобы всегда быть абсолютно правдивым. Раньше мне случалось солгать, так как я боялся отца и Николо, а теперь делаю это иногда, потому что мальчики смеются надо мной. Я знаю, это плохо, но я забываю. — Нат выглядел очень огорченным.

— В детстве я тоже часто лгал! Ох! Какая ужасная ложь это была! И как ты думаешь, каким способом излечила меня от этого моя старая бабушка? Мои родители убеждали, кричали, наказывали, но я все равно забывал, совсем как ты. Тогда моя дорогая бабушка сказала мне: «Я помогу тебе zapomнить, что лгать нехорошо, и обуздаю твой непослушный язык». — И с этими словами она вытянула язык у меня изо рта и быстро отхватила ножницами самый-самый кончик, так что пошла кровь. Это было ужасно, поверь мне, но принесло мне немалую пользу, так как язык болел несколько дней и каждое слово, которое я произносил, давалось мне с таким трудом, что у меня было время подумать, что я говорю. После этого я стал осторожнее, и дело пошло лучше, так как я боялся больших ножниц. Однако дорогая бабушка глубоко любила меня и была очень добра ко мне всегда и во всем, и, даже умирая вдали отсюда, в Нюрнберге, она молилась о том, чтобы ее Фриц всегда любил Бога и говорил правду.

— У меня никогда не было бабушки, но, если вы думаете, что меня можно исправить таким способом, я готов позволить вам отщипнуть кончик моего языка, — сказал Нат с героической самоотверженностью, так как он страшился боли, однако очень хотел избавиться от привычки лгать.

Мистер Баэр улыбнулся, отрицательно покачав головой.

— Я знаю средство получше; я прибегаю к нему однажды прежде и добился успеха. Вот послушай. Если тебе случится солгать, я не буду наказывать тебя, но ты накажешь меня.

— Как? — спросил Нат, пораженный этой идеей.

— Старым добрым способом — ударишь меня по рукам указкой; я редко наказываю так моих учеников, но, может быть, наказание запомнится тебе лучше, если ты причинишь боль мне, чем если испытаешь ее сам.

— Ударить вас? Что вы! Я никогда не смог бы! — вскричал Нат.

— Тогда следи за твоим забывчивым языком. Я не хочу, чтобы мне было больно, но охотно перенесу даже самую мучительную боль, лишь бы исправить твой недостаток.

Это странное предложение произвело такое впечатление на Ната, что долгое время он следил за своими речами и был отчаянно правдив, так как мистер Баэр был совершенно прав, полагая, что любовь к нему будет для Ната более сильным побудительным мотивом, чем страх за самого себя. Но, увы! В один злополучный день Нат забыл об осторожности, и, когда вспылчивый Эмиль пригрозил отлупить его, если это он пробежал накануне по его огороду и затоптал посеvy пшеницы, Нат заявил, что ничего не знает ни о какой пшенице, а потом ему было стыдно признаться, что он сделал это, когда Джек гнался за ним накануне вечером.

Он думал, что никто ни о чем не узнает, но Томми случайно видел, как все произошло, и, когда Эмиль заговорил о случившемся день или два спустя, Томми дал свидетельские показания, и мистер Баэр слышал их разговор. Уроки уже кончились, все мальчики стояли в передней, а мистер Баэр как раз опустился в плетеное кресло, чтобы поиграть с Тедди, но, услышав слова Томми и увидев пылающее, испуганное лицо Ната, снова поставил малыша на пол со словами: «Беги к маме, *büßchen*^{*}, я скоро приду» — и, взяв Ната за руку, повел его в классную комнату и закрыл дверь.

С минуту мальчики смотрели друг на друга в молчании, затем Томми выскользнул за дверь и, заглянув в щель

* Мальчуган, малыш (нем.).

между шторами, увидел зрелище, которое привело его в совершенное замешательство. Мистер Баэр как раз взял длинную линейку, висевшую над его столом и так редко использовавшуюся, что она была покрыта пылью.

«Ого! Он собирается разделаться с Натом на этот раз. Уж лучше бы я ничего не говорил», — подумал добродушный Томми, так как оказаться побитым было глубочайшим позором в этой школе.

— Ты помнишь, что я сказал тебе в прошлый раз? — спросил мистер Баэр печально, но не сердито.

— Да, но, пожалуйста, не заставляйте меня, я не вынесу этого, — воскликнул Нат, прижимаясь к двери и спрятав за спину обе руки, с лицом полным страдания.

«Почему он не примет наказание как мужчина? Я на его месте повел бы себя именно так», — подумал Томми, хотя то, что он видел, заставляло его сердце биться с отчаянной быстротой.

— Я сдержу слово, а ты запомнишь, что должен всегда говорить только правду. Слушайся меня, Нат, возьми линейку и ударь меня по рукам шесть раз.

Томми был так ошеломлен этими последними словами, что почти свалился с окна, но в последний момент удержался и повис на узком каменном выступе, тараща глаза, такие же круглые, как у чучела совы на каминной полке.

Нат взял линейку, так как, когда мистер Баэр говорил таким тоном, было невозможно не подчиниться, и с видом таким испуганным и виноватым, как если бы собирался заколоть своего учителя, два раза слабо ударил по широкой руке, подставленной ему. Затем он остановился и поднял глаза, почти ничего не видя от слез, но мистер Баэр сказал спокойно:

— Продолжай и бей сильнее.

Чувствуя, что выхода нет, и горячо желая покончить поскорее со своей мучительно неприятной задачей, Нат

вытер глаза рукавом и нанес еще два более сильных удара, от которых рука покраснела, что причинило ударившему еще большую боль.

— Уже хватит? — спросил он задыхаясь.

— Еще два, — послышалось в ответ, и он нанес эти два удара, почти не видя, куда опускает линейку, затем отшвырнул ее и, обхватив добрую, большую руку обеими руками, уткнулся в нее лицом, рыдая от горя, любви, стыда и раскаяния.

— Я запомню! О! Я буду всегда помнить!

Тогда мистер Баэр обнял его и сказал тоном, настолько же сострадательным, насколько суровым он был лишь несколько мгновений назад.

— Надеюсь, что так и будет. Проси Бога помочь тебе и постарайся избавить нас обоих от подобных сцен.

Больше Томми ничего не видел, так как пробрался обратно в холл с таким взволнованным и серьезным видом, что мальчики столпились вокруг него, чтобы расспросить, что произошло в классной с Натом.

Наивыразительнейшим шепотом Томми поведал им обо всем, что увидел, и вид у них был такой, словно небо вот-вот свалится на землю. Казалось, все встало с ног на голову, и от этого у всех перехватило дыхание.

— Он сделал то же самое однажды со мной, — сказал Эмиль, словно признаваясь в самом черном преступлении.

— И ты ударил его? Дорогого старого папу Баэра? Гром и молния! Попробовал бы ты сделать это сейчас! — вскричал Нед, хватая Эмиля за воротник в порыве праведного гнева.

— Это было очень давно. Сейчас я скорее согласился бы, чтобы мне оторвали голову, чем пошел бы на такое. — И Эмиль мягко отстранил Неда, хотя в менее серьезных обстоятельствах счел бы своим долгом дать тому пощечину.

— Да как ты смог? — спросил Деми, в ужасе от одной этой мысли.

— Я тогда был ужасно зол и думал, что мне все равно, даже, может быть, понравится побить кого-нибудь. Но когда я, размахнувшись, ударил дядю один раз, мне вдруг вспомнилось все, что он сделал для меня, и я не мог продолжать. Нет, сэп! Если бы он даже повалил меня и топтал ногами, я не возмутился бы — таким подлецом и негодяем чувствовал я себя в тот момент, — и Эмиль с силой ударил себя в грудь, чтобы выразить свое раскаяние.

— Нат был весь в слезах. Я думаю, он страшно расстроен и огорчен, так что давайте не говорить ни слова об этом, хорошо? — сказал мягкосердечный Томми.

— Конечно, мы ничего не скажем, но это так ужасно — лгать! — Деми произнес это с таким видом, словно преступление стало еще ужаснее от того, что наказание постигло не грешника, но любимейшего дядю Фрица.

— Может быть, нам всем лучше уйти, чтобы Нат смог убежать наверх, если захочет, — предложил Франц и повел всех в амбар, их главное убежище в тревожную пору.

Нат не вышел к обеду, но миссис Джо отнесла ему наверх поесть и сказала ласковое слово, от которого ему стало чуть легче, хотя он по-прежнему не имел силы взглянуть на нее. Спустя несколько часов мальчики, игравшие во дворе, услышали звуки скрипки и сказали друг другу: «Кажется, он успокоился».

Нат в самом деле несколько успокоился, хотя все еще не решался спуститься и присоединиться к остальным. Но, открыв дверь, чтобы ускользнуть в одиночестве в лес, он неожиданно обнаружил сидящую на ступеньках Дейзи; вместо обычной куклы или рукоделия в руках у нее был только мокрый носовой платок — она горевала о своем уединившемся друге.

— Я иду на прогулку, хочешь пойти со мной? — спросил Нат, стараясь выглядеть так, словно ничего не произошло, но испытывая глубокую благодарность за ее безмолвное

сочувствие, так как воображал, что каждый должен смотреть на него как на негодяя.

— О да! — И Дейзи побежала за шляпой, гордясь тем, что ее выбрал в спутники один из больших мальчиков.

Остальные наблюдали, как они удаляются, но никто не последовал за ними, так как у мальчиков гораздо больше деликатности, чем принято считать, и каждый инстинктивно чувствовал, что кроткая маленькая Дейзи — самый подходящий друг в тот момент, когда вы опозорены и несчастны.

Прогулка принесла Нату облегчение, и, хотя он был молчалив, когда вернулся домой, вид у него опять был бодрый и радостный в гирляндах маргариток, которые сплела и которыми увешала его маленькая подруга, пока он лежал на траве и рассказывал ей разные истории.

Никто не сказал ни слова об утренней сцене, но, возможно, именно по этой причине воздействие ее на Ната оказалось продолжительным. Он изо всех сил старался неизменно быть правдивым во всем, и помогали ему в этом как искренние молитвы, которые он возносил своему Другу на небесах, так и терпеливая забота земного друга, чьей доброй руки он никогда не касался, не вспомнив, что она охотно вынесла боль ради него.

ГЛАВА 5

ПИРОЖКИ-КУЛИЧИКИ

- В чем дело, Дейзи?
- Мальчики не берут меня играть с ними.
- Почему?
- Они говорят, что девочки в футбол не играют.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

